

ЛИЧНОСТЬ УЧЕНОГО

СОВЕТСКИЙ ИСТОРИК СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ КОВАЛЁВ: СТАНОВЛЕНИЕ УЧЕНЫМ

А. М. Скворцов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-33-01035

Статья посвящена времени становления С.И. Ковалёва как ученого. Этот период его жизни сильно растянулся во времени, что связано с субъективным фактором, а также событиями Первой Мировой войны и революцией 1917 г. Историк получил прекрасное гимназическое образование, отчасти – классическое университетское. Однако в новых социально-политических условиях, после революции 1917 г., он оказался востребованным для агитационно-пропагандистской и просветительской работы. На первом этапе своего творчества С.И. Ковалёв создал только обобщающий труд, не узкоспециальный.

Ключевые слова: *антиковедение, советская наука, С.И. Ковалёв, историография.*

В современных историографических исследованиях важным является изучение этапа становления ученого, времени, когда формируется личность и закладывается – с воспитанием, обучением в гимназии и университете, созданием первого научного труда – фундамент для дальнейшего творчества. Герой данной статьи – Сергей Иванович Ковалёв (1886–1960), известный советский историк-антиковед, жил в непростой для России период: параллельно со становлением его как историка происходит и становление Советского государства.

При изучении заявленной темы мы столкнулись, прежде всего, с трудностью источниковедческого плана. Мемуаров С.И. Ковалёв не оставил. Он практически не делился своими воспоминаниями о ранних годах с коллегами и учениками, а то, что рассказывал [см., напр.: Колобова: 1961, С. 358], – это официальная версия, отраженная в его автобиографии, написанной в 1936 г.¹, и в служебном списке². Подобные данные не всегда могут соответствовать реальности, особенно, если их составляли в 1920–1930-е гг., как в случае с С.И. Ковалёвым. Многим из тех, кто соглашался с новыми условиями и стандартами жизни, необходимо было создать такую биографию, которая бы позволяла найти себе достойную нишу в советском обществе. Поэтому мы обратились к архивным данным и прежде всего к личному делу С.И. Ковалёва студенческих времен³.

С.И. Ковалёв родился 25 (13) сентября 1886 г. в поселке Большой Куганак Стерлитамакского

уезда Уфимской губернии. Поселок был небольшим – около 800 человек, образовательные учреждения отсутствовали, поэтому, скорее всего, на первых порах, обучение носило домашний характер. Мать будущего историка происходила из семьи мелкого уфимского чиновника. Отец, как подчеркивал С.И. Ковалёв, был выходцем из крестьян Астраханской губернии, имел техническое образование. Отучившись в Саратовском сельскохозяйственном училище, он сделал военную карьеру, дослужившись до подпоручика⁴. Этот чин позволил Ивану Ковалёву получить статус личного дворянина, о чем, кстати, сын не упоминает в автобиографии 1936 г. по понятным соображениям. Однако это обстоятельство все же стало известно О.О. Крюгеру, который в доносе в Ленинградский отдел НКВД зафиксировал данный факт⁵ с вероятной целью расстроить успешную карьеру коллеги. Следует заметить, что уже в конце XIX в. происхождение С.И. Ковалёва не оценивалось как крестьянское, что позволило ему поступить в гимназию. Впервые в советское время историк обозначил дворянский титул отца в своем учетном листе 1941 г. Очевидно, это произошло после пребывания во внутренней тюрьме Управления госбезопасности НКВД в 1938–1940 гг. Тогда С.И. Ковалёву уже не было смысла скрывать данные факты своей биографии.

После выхода в отставку отец С.И. Ковалёва поступил на службу управляющим имением к богатой уфимской землевладелице Е.П. Ляховой. Она была крупнейшим пчеловодом в России рубежа XIX–XX вв., создала соответствующую

¹ СПбФА РАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 162. Л. 9–12.

² Там же. Л. 1–2 об.

³ См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 51764.

⁴ СПбФА РАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 162. Л. 9.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 7154. Оп. 1. Д. 13. Л. 12.

школу – Ляховскую казенную школу пчеловодства, садоводства и огородничества, где бесплатно обучались крестьяне бортничеству [Кто они, Ляховы?]. Семья жила довольно обеспеченно: известно, что после смерти отца в 1904 г. осталось наследство в 4–5 тыс. руб., которое позволило безбедно существовать, а Сергею Ивановичу – завершить образование в гимназии.

Детские годы С.И. Ковалёва прошли в доме бабушки и, можно полагать, без должного надзора со стороны родителей. Мать умерла рано, в 1895 г., а отец через три года после рождения сына Сергея был переведен в другое имение Ляховой, в Пензенскую губернию. Фактически с 9-летнего возраста мальчика слабо контролировали, отец с сыном встречались только лишь на летних каникулах. В 1895 г. Сергея отдали в Уфимскую гимназию, где он довольно хорошо учился¹. Его уфимский период содержит один не проясненный факт жизни будущего историка. В его официальных биографиях значится, что в 1904 г. он вступает в ряды уфимской организации РСДРП, где в кружках слушает рассказы о марксизме и параллельно занимается технической работой – печатает прокламации, расклеивает листовки. Кроме того, якобы в ходе майской демонстрации 1905 г. его арестовали и отправили на 3 недели в тюрьму². Но сей факт не подтверждается материалами студенческого дела С.И. Ковалёва. Каждый молодой человек, поступающий в высшее учебное заведение в начале XX в., должен был вначале предоставить справку с места жительства о политической благонадежности. В справке из полиции Уфимской губернии четко обозначено: «Ковалёв в политическом отношении является благонадежным»³. Кроме того, за время обучения он также не принимал участие в митингах, демонстрациях: «Ни в чем предосудительным отмечен не был»⁴. Интересно заметить, что его брат – Борис Иванович Ковалёв – служил в белогвардейских частях, а сестра Екатерина Ивановна вышла замуж за доктора датского Креста Поля Покстина и уехала за границу. Поэтому сложно предположить, что еще в молодости С.И. Ковалёв стал ярким революционером и приверженцем учения К. Маркса. Возможно, интерес к экономическому аспекту истории у С.И. Ковалёва возник под влиянием отца, являвшегося, как отмечалось, администратором (в том числе и экономистом) успешного поместья.

¹ СПбФ РАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 162. Л. 9.

² Там же.

³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 51764. Л. 37.

⁴ Там же. Л. 50.

Поскольку С.И. Ковалёв получил первоначальное образование в классической гимназии, то программа обучения могла повлиять на формирование его будущих научных интересов. В начале XX в. учебный план этого типа образовательных учреждений предполагал большой объем дисциплин «классического» цикла – античная история и культура, греческие и римские древности, углубленный латинский язык. Кроме того, предполагалось изучение современных иностранных языков. Большой компонент античности в учебном плане не тяготил С.И. Ковалёва: ему удавалось достойно учиться (в свидетельстве о сдаче экзаменов, за исключением географии и физики, значатся отличные оценки). Гимназическое образование обеспечило Ковалёву довольно прочную основу для будущей исследовательской деятельности по истории древнего Рима, а также заложило способности к самостоятельному освоению материала.

После окончания гимназии в 1908 г. С.И. Ковалёв поступает в Петербургский университет на физико-математический факультет. Такой выбор сложно объяснить – то ли сказалось влияние отца, имевшего техническое образование, то ли на тот момент ему наскучили гуманитарные науки. Однако на этом факультете он находился недолго: уже в 1910 г. переходит на историко-филологический факультет.

Особое внимание следует уделить состоянию антиковедения того времени. На рубеже XIX–XX вв. приходится расцвет науки о классической древности в России [Фролов: 2006, С. 438–441]. Следует подчеркнуть, что это явление в науке было бы невозможно без ряда факторов. Во-первых, следует учесть особенности образовательной политики царского правительства этого времени. Благодаря «реакционному» Уставу 1884 г. возрос компонент антиковедческих дисциплин (истории, культуры и филологии), правда, в ущерб истории Нового времени [Иванов: 2012, С. 28–77]. Во-вторых, благотворным являлось усиливавшееся сближение с Западной Европой, начавшееся еще с Петра I, что способствовало приобщению российского общества к классической древности. Известно, что уже в годы правления Николая I входят в практику заграничные командировки молодых людей, готовящихся стать специалистами по зарубежной истории. Начинающим антиковедам, оставшимся для приготовления к профессорскому званию в университетах, предстояло обязательно посетить Грецию и Италию, европейские научные центры (главным образом, в Германии) для работы в библиотеках, вы-

ступлений на семинарах ведущих профессоров, знакомства с памятниками греко-римской древности, участия в археологических исследованиях. Подобная командировка была довольно продолжительной – около 2-х лет, что действительно позволяло начинающим ученым-историкам выйти на мировой уровень в своих исследованиях [см.: Скворцов: 2012, С. 403–418]. В-третьих, выделялось достаточное финансирование для публикаций монографий и журналов. К началу XX в. существовало множество периодических изданий, которые либо частично, либо полностью были посвящены античности: «Журнал Министерства народного просвещения», «Гермес», «Филологические записки», «Гимназия», к этому стоит добавить Ученые записки Академии наук и университетов. В-четвертых, хорошо финансировались археологические раскопки Причерноморья. Особое внимание уделялось «российской» античности: раскапывались некрополи, города, поселения, реконструировались их облик и жизнь людей в связи эллинской и римской историей.

Конечно, не следует забывать, что такое пристальное внимание тогдашнего министерства народного просвещения к античности порождало порой некоторые «перегибы». Если обратиться к воспоминаниям образованной общественности тех лет, то мы увидим, что гимназические годы запомнились далеко не с лучших сторон. В.А. Поссе в мемуарах пишет о «мертвящей скуке», царившей на уроках греческого языка и убивавшей всякий интерес к античной литературе [Поссе: 1933, С. 49]. С.Н. Трубецкой называл свою гимназию «сонным царством», а древние языки «настоящей пыткой» [цит. по: Филимонов: 2006, С. 18]. Даже антиковед В.П. Бузескул писал: «Воцарилась толстовская система, сухая, беспощадная, с ее крайней, бездушной регламентацией, с ее мнимым классицизмом, а в действительности – грамматизмом. Нас подавляла грамматика, которая нам опротивела; мы учили массу ненужных правил и исключений; нас мучили переводами с русского языка на древние, “экстемпоральными”, которые мы ненавидели. На содержание читаемых авторов, на античную жизнь обыкновенно не обращалось внимания. Если кто-либо из нас предлагал учителю вопрос, касавшийся этой области, то учитель большею частью отделялся кратким ответом и спешил перейти к «главному», к «делу» – к тексту, переводу или к грамматике» [Филимонов: 2006, С. 19].

Э.Д. Фролов справедливо заметил, что натиску западных европейских веяний «сознательно был противопоставлен консервативный барьер в лице

усиленного классического образования» [Фролов: 2000]. Эта тенденция была намечена еще при С.С. Уварове и старательно продолжена его преемниками по руководству министерством народного просвещения – графом Д.А. Толстым (министр в 1866–1880 гг.), И.Д. Деляновым (1882–1897 гг.), Н.П. Боголеповым (1898–1901 гг.), Г.Э. Зенгером (1902–1904 гг.), А.Н. Шварцем (1908–1910 гг.). Эта политическая линия, по мнению Э.Д. Фролова, привела к принудительному насаждению классицизма в средней и высшей школе, что «вызвало раздражение в прогрессивных общественных кругах и, в конце концов, привело к компрометации всей системы классического образования в России» [Фролов: 2000]. На наш взгляд, картина не была такой уж мрачной. Следует отметить все же и положительные черты данной политики: был поднят общекультурный уровень интеллигенции; преобразования в образовательной области содействовали блистательному взлету русской культуры в начале XX в. (Вяч. Иванов, И. Анненский, Ф.Ф. Зелинский).

В этом противоречивом отношении к античному наследию формировался С.И. Ковалёв. Он обучался в крупнейшем антиковедческом центре – историко-филологическом факультете Петербургского университета. Д.А. Гутнов заметил, что, несмотря на большой компонент антиковедческих дисциплин в учебных планах университетов, с начала XX в. ситуация естественным образом начала меняться: значительно выросло количество курсов, посвященных эпохе Нового времени, с 2–7 в 1890-е гг. до 9–13 в 1900–1904 гг. [Гутнов: 1991, С. 56–59]. Это привело к сокращению дисциплин по античной проблематике. На примере этих цифровых данных мы видим, что университет живо реагировал на общественно-политические запросы. В исторической науке появляется дробная специализация, выделяются новые области знания. За каждым изучаемым историческим периодом закрепляется свой лектор-профессионал в этой области. Так, если в середине XIX в. в Петербургском университете историю Нового времени читал антиковед М.С. Куторга (как, кстати, и историю Средних веков), то на рубеже XIX–XX вв. ее преподавали уже профессиональные историки – специалисты по истории Нового времени, такие как Н.И. Кареев, Г.В. Форстен, М.М. Ковалевский.

Судя по личному делу, С.И. Ковалёв часто записывался на дисциплины антиковедческого цикла¹. Общий курс по истории Древней Греции и Рима у него вел С.А. Жебелёв. В его препода-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 51764. Л. 65 об. – 66.

вании отчетливо проявлялись традиции, идущие еще от одного из родоначальников петербургской научной школы М.С. Куторги, в виде филологических штудий и пристального внимания к оригиналам источников. Кроме того, С.И. Ковалёв слушал лекции и участвовал в семинарах выдающихся петербургских историков, заложивших в конце XIX в. новые направления антиковедческих исследований – культурологическое, подразумевавшее широкое осмысление античности, ее духовной жизни (Ф.Ф. Зелинский), социально-политическое (Э.Д. Гримм), социально-экономическое (М.И. Ростовцев, И.М. Гревс) [Фролов: 2006, С. 439]. Именно благодаря таким разносторонним подходам к античности у С.И. Ковалёва сформировалось широкое представление о классической древности, позже позволявшее ему составлять общие исторические курсы, а также формировать представление о том, что историю следует изучать только на основе анализа аутентичных источников. Позже в рамках аспирантуры в Государственной Академии материальной культуры он вводил в учебный план занятия греческим и латинским языком, то же самое – и на созданной в 1934 г. кафедре истории древнего мира ЛГУ.

Параллельно с обучением в университете С.И. Ковалёв в виду необходимости занимается и преподавательской деятельностью. В частных уроках он постепенно оттачивает мастерство учителя¹. В дальнейшем историк будет утверждать в своей биографии, что желаемого финансового обеспечения эти занятия не приносили, результатом чего явился вынужденный уход из университета в 1915 г.² Однако такое объяснение действий С.И. Ковалёва не подтверждается документами. Дело в том, что за учебу он заплатил до сентября 1914 г., а последний экзамен (Новую философию) сдал в сентябре 1913 г. Вероятнее всего, факт его ухода из учебного заведения объясняется иными обстоятельствами, о которых можно только догадываться.

После того, как С.И. Ковалёв покинул университет, он поступил на ускоренные курсы Владимирского военного училища, которые 1 января 1916 г. окончил прапорщиком. После этого его зачисляют в 1 пехотный полк в Петрограде младшим офицером учебной команды. Однако на фронт он так и не был отправлен (хотя его биограф и преемница по кафедре К.М. Колобова утверждает, что «Сергей Иванович в 1915–1918 гг. находился на фронтах первой мировой» [Колобо-

ва: 1961, С. 358]). Как сам Ковалёв признавался в автобиографии, избежать участия в военных действиях ему помогло знакомство его жены (женится он в январе 1916 г.) с полковником Неслуховским³.

Революцию 1917 г. он встретил с неопределённым статусом и с не менее неопределённым будущим. Наличие незаконченного высшего образования и, вероятно, проявлявшиеся уже тогда педагогические способности стали основой для его назначения начальником учебной команды в полку.

Большевикам в условиях становления своей власти необходим был большой корпус лекторов-пропагандистов своих идей. Распространялись в огромном количестве листовки, проводились массовые демонстрации, общественные собрания, читались популярные лекции. Студенческие аудитории стали занимать слабо подготовленные студенты, так как были отменены вступительные испытания и всякие ограничения при зачислении в университет. Обучающиеся не имели часто гимназического образования, поэтому излагаемый материал был, вероятнее всего, малопонятен им. Научное изложение должно было ориентироваться на их уровень, что неизбежно вело к вульгаризации самого знания. Одновременно с этим был взят курс на увеличение числа марксистских дисциплин в учебных планах и пополнение профессорско-преподавательского состава историками-материалистами. Последнее привело к расколу среди преподавателей: появились привилегированные, представители «старой» профессуры, и непривилегированные, назначавшиеся на основании партийно-политических соображений, а не научной квалификации [Скворцов, Гришина: 2015, С. 49–56]. Статусных различий в профессиональном плане между ними не существовало, так как были отменены ученые степени и научные звания. Это позволило совсем недавним студентам и приват-доцентам стать в один ряд с до-революционными ординарными профессорами.

В силу создавшейся ситуации С.И. Ковалёв оказался востребованной фигурой. В августе 1919 г. он становится лектором Политотдела Петроградского военного округа и занимается культурно-просветительской работой. Это позволило ему в 1920 г. вступить в РКП(б) и заведовать Политическим управлением Петроградского округа. В этом же году он становится деканом одного из факультетов Красноармейского университета им. Толмачёва (позже – Военно-политической Академии), а с 1921 г. начальником университе-

¹ СПбФ РАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 162. Л. 10.

² Там же.

³ Там же.

та. Все 1920-е гг. С.И. Ковалёв работает в агитационно-пропагандистской сфере, параллельно с этим в военных учебных заведениях (Военно-политическая школа им. Энгельса, Военно-морская Академия)¹. С.И. Ковалёву удалось зарекомендовать себя как сторонника советской власти, талантливого лектора, умеющего ясно и четко изложить малообразованным людям основные идеи марксизма, а также продемонстрировать их на конкретном историческом материале. Его заслуги признавало и начальство. В 1934 г. ему были вручены именные золоченые часы за 15 лет безупречной службы в военных учебных заведениях². В начале 1920-х гг. С.И. Ковалёв начинает работу в высших гражданских вузах: с 1921 г. в Ленинградском коммунистическом университете, с 1924 г. в Ленинградском государственном университете, педагогическом вузе им. Герцена.

Вероятно, понимая, что возрастает необходимость создания более прочной основы для будущей деятельности, С.И. Ковалёв в 1922 г. окончил университет. В новых условиях сделать это стало проще. Еще в 1919 г. историко-филологические факультеты были преобразованы в факультеты общественных наук, которые должны были готовить не ученых, а педагогов. В 1921 г. исторические отделения ФОНов были преобразованы в общественно-педагогические, получив специальное назначение готовить педагогов-обществоведов (историков) для старших групп трудовой школы и рабфаков. Интересно заметить, что если в начале своего обучения С.И. Ковалев сдавал экзамены по греческим и латинским авторам, греческим древностям, то на рубеже 1910 – 1920-х гг. курсы по древним языкам в его ведомости отсутствовали, значились лишь дисциплины по отдельным периодам зарубежной истории (История Византии, История Греции, История Рима, Средняя история, Новая история, История церкви)³.

Активная лекторская и пропагандистская работа позволила С.И. Ковалёву издать первые труды популярного характера. Обратимся к анализу его «Курса всеобщей истории» [Ковалёв: 1923]. К несомненным достоинствам этого труда можно отнести: четкость и ясность изложения, продуманную структуру, сопровождение исторического материала иллюстрациями. В начале учебной книги автор заявляет о своих теоретических позициях. История, по его мнению, есть наука о законах человеческого развития [Ковалёв: 1923, С. 11], поэтому исследователь этой области зна-

ния должен, прежде всего, искать закономерности. При этом история не может рассматриваться лишь как история государств, так как это только один из этапов общественного развития. Здесь прослеживается влияние марксизма, согласно которому классовое общество должно в итоге уйти в прошлое, уступив место коммунистической формации. Историческое развитие понималось ученым не как прямая либо векторная линия, оно было цикличным, то есть: «Известный географический комплекс проходил определенные ступени социально-экономического развития, поднимался до некоторого уровня своего исторического бытия, а затем опять снижался, часто возвращаясь к отправной точке своего развития» [Ковалёв: 1923, С. 24]. Со свойственной для новой власти резкостью С.И. Ковалёв заявлял: «Старая концепция единой всемирной истории похоронена раз и навсегда. Наиболее правильной системой расположения исторического материала будет система культурно-исторических циклов» [Ковалёв: 1923, С. 24]. Данные положения свидетельствуют о «взятии на вооружение» С.И. Ковалёвым теории циклизма, более того – его можно отнести к представителям модернизаторского направления в историографии древности. Примечательно, как он характеризует отдельные периоды греческой истории. Эпоха крито-микенской цивилизации – абсолютная монархия; гомеровское и архаическое время – феодализм; V в. до н. э. – буржуазно-демократическая республика, которая была порождена торговым капиталом. Соответственно, каждая эпоха в истории представляет собой замкнутый, законченный цикл. Новый же цикл начал развиваться с V в. до н. э. Антиковедение, как и вся историческая наука, становится своеобразной «служанкой» обществоведения, которое нужно лишь для того, чтобы иллюстрировать процессы происходящие в современности. Модернизаторский подход, поиск капиталистов, торгового капитала, рабочих и т. д. в античности был очень популярен в 1920-х гг. Так, Р.Ю. Виппер заявлял, что результатом углубленного изучения древней истории служит убеждение, что «все наши переживания составляют повторение того, что много раз бывало, что знакомые нам душевные бури, порывы фантазии, запросы мысли и наблюдения над миром, подобные нашим, составляли содержание жизни далеких поколений в разных широтах, в разные эпохи» [Цит. по: Володихин: 1999, С. 160–161]. Идея круговорота была близка московскому профессору, поскольку тот любил находить аналогии между историческими судьбами, весьма далеко отстоящих друг от друга эпох

¹ СПБФ РАН. Ф. 133. Оп. 3. Д. 162. Л. 1, 11.

² Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 3. Д. 292. Л. 71.

³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 51764. Л. 65 об. – 66.

и народов. Так, он видел в собственном времени повторение кризиса и упадка Римской империи.

Московский антиковед того же времени – В.С. Сергеев был убежден, что «до начала летоисчисления Средиземье прошло полный цикл развития феодального и торгово-капиталистического общества, по своей социологической сущности схожего с новоевропейским обществом» [Сергеев: 1926, С. 5]. Поэтому, по его мнению, «для более углубленного и расширенного понимания феодального общества и общества торгового капитализма оказалось весьма желательным привлечение материалов не только по истории нового времени, но и по древнему миру...» [Сергеев: 1926, С. 5]. Отсюда происходят и различные «натяжки» такого типа: в гомеровское время господствовал феодализм, или в V в. до н. э. начинает развиваться капитализм.

По сути, модернизаторский подход к историческому материалу был возможностью сохранения исследований древних эпох. Антиковедов первых лет существования советской власти занимал вопрос, каким образом сделать историю древней Греции и Рима актуальной для их времени, а вместе с тем и привлекательной для изучения.

«Модернизация» античности была пресечена в конце 1920-х гг. Современники отмечали 1929 г. как переломный для этой области знания [Мишулин: 1942, С. 104]. Особую роль здесь сыграла работа В.И. Ленина «О государстве» (по жанру это лекция, прочитанная еще в 1919 г. в Свердловском университете, но изданная только в 1929 г.). В ней государство объявлялось «аппаратом принуждения людей» [Ленин: 1961, С. 69], а его возникновение связывалось с разделением общества на классы [Ленин: 1961, С. 68–69]. Объявлялась общая для всех социумов линия развития и общие закономерности. По мнению «вождя мирового пролетариата», первоначально существовало патриархальное общество, где не было классов [Ленин: 1961, С. 70]. Далее следует общество, основанное на рабстве. В нем впервые выделяются два антагонистических класса – рабовладельцы и рабы. Первая группа «владела не только всеми средствами производства – землей, орудиями... – она также владела и людьми». Вторая же «трудилась и доставляла труд другим» [Ленин: 1961, С. 70]. Исходя из этого построения, античное общество объявлялось рабовладельческим. Следующей ступенью общественного развития было крепостное общество, после него – капиталистическое [Ленин: 1961, С. 70–71]. И наконец, предполагалось построение социалистического общества, где не будет ни государства, ни эксплу-

атации [Ленин: 1961, С. 84]. Данная схема, как известно, являлась основополагающей для советских историков.

Таким образом, в исторической науке начинает формироваться догматический марксизм, в силу чего идеи модернизаторского направления стали с ним несовместимы. Во-первых, различались взгляды на исторический процесс. Циклическая теория «модернизаторов» входила в противоречие с взглядом марксистов на историческое движение как прямолинейное и прогрессивное, где античность являлась первой классовой рабовладельческой формацией. К тому же идея круговорота ставила под сомнение тезис о неизбежности победы социализма над капитализмом. Во-вторых, историческое развитие в марксистской концепции было социально и экономически детерминировано, а представители «идеи круговорота» отстаивали роль случая наряду с объективными факторами, придавая большое значение свободной воле и воздействию идей [Фролов: 1995, С. 94–95]. Поэтому концепция циклизма не могла долго существовать в Советской России, и с момента выхода лекции В.И. Ленина «О государстве» начинается критика этого направления. В этой ситуации историки, ранее позиционирующие себя как модернизаторы, в частности, С.И. Ковалёв, значительно корректируют свои взгляды в пользу идеи прогресса.

На наш взгляд, концом 1920-х гг. следует закончить первый этап научного творчества и становления С.И. Ковалёва как ученого. В 1930-е гг. он уже станет лидером советского антиковедения, главой Института рабовладельческого общества ГАИМК, заведующим кафедрой в ЛГУ. Первый период его формирования существенно растянулся во времени, что связано как с субъективными факторами (например, уходом из университета), так и известными историческими условиями: революцией 1917 г. и Гражданской войной. Перестройке подверглась не только политическая система, но также научная и образовательная сферы. Получив классическое гимназическое образование и обучаясь на историко-филологическом факультете Петербургского / Ленинградского университетов, С.И. Ковалёв воспринял принципы научной работы, которые закладывались петербургской исторической школой – кропотливое изучение источников на языке оригинала, внимание к источниковедческим штудиям, уважительное отношение к предшественникам. Однако эти принципы были признаны «устаревшими» в ситуации 1920-х гг., когда преобладал схематизм и упрощенчество в научном творче-

стве, а также обозначилась ориентация на создание научно-популярных трудов. Благодаря способности адаптироваться к новым политическим условиям и несомненным преподавательским талантам С.И. Ковалёв оказался востребованным новой властью для агитационно-пропагандистской и просветительской работы. Это позволило

ему зарекомендовать себя с лучшей стороны в глазах представителей советской власти и быстро продвигаться по карьерной лестнице. Но узкоспециальных научных работ на первом этапе своего творчества, то, с чего обычно начинают исследователи, он не создал.

Список литературы

1. Володихин Д.М. Критика теории прогресса в трудах Р.Ю. Виппера // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 153–162.
2. Гутнов Д.А. Подготовка кадров историков в Московском университете в конце XIX – начале XX вв. : дисс. ... канд. ист. наук. М., 1991.
3. Иванов А.Е. Российские императорские университеты под управлением Министерства народного просвещения (1880-е годы – начало XX в.) // Расписание перемен: очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М., 2012. С. 28–77.
4. Кто они, Ляховы? URL: <http://xn--80aa2bkafhg.xn--p1ai/article.php?nid=16433>.
5. Ковалёв С.И. Курс всеобщей истории. Пг., 1923. Т. 1.
6. Ленин В.И. О государстве // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1961. Т. 39.
7. Мишулин А. Изучение древней истории в СССР за 25 лет // Историк-марксист. 1942. № 10. С. 103–107.
8. Поссе В.А. Пережитое и продуманное. Л., 1933. Т. 1.
9. Сергеев В.С. Феодализм и торговый капитализм в античном мире : сб. документов и материалов по истории развития общественных форм. М., 1926.
10. Скворцов А.М. Заграничные командировки как этап профессиональной подготовки антиковедов (на примере научной школы М.С. Куторги // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / под ред. Э.Д. Фролова. СПб., 2012. Вып. 11. С. 403–418.
11. Скворцов А.М., Гришина Н.В. Историческое образование в первое десятилетие советской власти: основные векторы развития // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. «История». 2015. Вып. 62. № 2(357). С. 49–56.
12. Филимонов В.А. Н.И. Кареев: античность сквозь призму политики // Античная история и классическая археология / под ред. В.В. Дементьевой. М., 2006. С. 13–31.
13. Фролов Э.Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб., 2006. 608 с.
14. Фролов Э.Д. Традиции классицизма и петербургское антиковедение // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 8. М.-Магнитогорск, 2000. URL: <http://ancientrome.ru/public/frolov/frol04f.htm>.
15. Фролов Э.Д. Эдуард Мейер и русская наука о классической древности // Проблемы истории, филологии и культуры. М.-Магнитогорск, 1995. № 2. Вып. 2. С. 91–97.

Сведения об авторе

Скворцов Артём Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. Artyom-skvorcov@yandex.ru

---

Magistra Vitae.

2017. No 2. P. 170–177.

SOVIET HISTORIAN S.I. KOVALYOV: BECOMING A SCIENTIST

A. M. Skvortsov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. Artyom-skvorcov@yandex.ru

The article is devoted to the development of S.I. Kovalyov as a scientist. This period of his life was strongly extended in time because of a subjective factor as well as the events of World War I and the revolution

of 1917. The historian got an excellent grammar school education, partly classical education at university. However, he was popular in agitation, propaganda and educational work in the new conditions of the Soviet Union. At the first stage of his pursuits S.I. Kovalyov created only generalizing works, not highly specialized.

Keywords: *study of antiquity, the Soviet science, S.I. Kovalyov, historiography.*

Reference

1. Volodikhin, D. M. (1999). Kritika teorii progressa v trudakh R. Yu. Vippera [Criticism of the theory of progress in the writings of the R. Yu. Vipper], *Voprosi istorii*, 2. (In Russ.).
2. Gutnov, D. A. (1991). Podgotovka kadrov istorikov v Moskovskom universitete v konce XIX – nachale XX v. [Training of historians at the University of Moscow at the turn of XIX – XX centuries]. Moscow. (In Russ.).
3. Ivanov, A. E. (2012). Rossijskie imperatorskie universitety pod upravleniem Ministerstva narodnogo prosveshheniya (1880-e gody – nachalo XX v.) [Russian Imperial universities under the control of the Ministry of education (1880-ies – the beginning of XX century)]. In *Raspisanie peremen: ocherki istorii obrazovatel'noj i nauchnoj politiki v Rossijskom imperii – SSSR (konets 1880-kh – 1930-e gody)* (pp. 28–77). Moscow. (In Russ.).
4. Kto oni, Lyakhovy [Who are they, Lyakhov]. Available at: <http://xn--80aa2bkafhg.xn--p1ai/article.php?nid=16433>. (In Russ.).
5. Kovalyov, S. I. (1923). Kurs vseobshhej istorii. T. 1. [Course of General history. Vol. 1]. Petrograd, (In Russ.).
6. Lenin, V. I. (1961). O gosudarstve [About the state]. In Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenij*, vol. 39. Moscow. (In Russ.).
7. Mishulin, A. (1942). Izuchenie drevnej istorii v SSSR za 25 let [The study of ancient history in the Soviet Union for 25 years], *Istoričeskij žurnal*, 10, pp. 103–107. (In Russ.).
8. Posse, V. A. (1933). Perezhitoe i produmannoe. T. 1 [Experienced and thoughtful. Vol. 1]. Leningrad. (In Russ.).
9. Sergeev, V. S. (1926). Feodalizm i torgovyj kapitalizm v antichnom mire : sb. dokumentov i materialov po istorii razvitiya obshchestvennykh form [Feudalism and commercial capitalism in the ancient world. Collection of documents and materials on the history of the development of social forms]. Moscow. (In Russ.).
10. Skvortsov, A. M. (2012). Zagranichnye komandirovki kak etap professional'noj podgotovki antikovvedov (na primere nauchnoj shkoly M. S. Kutorgi [Scientific trips as a stage of education in the pre-revolutionary Russia (on the materials of the school of M. S. Kutorga)]. In Frolov, E. D. (ed.). *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira*, iss. 11 (pp. 403–418). St. Petersburg. (In Russ.).
11. Skvortsov, A. M., Grishina, N. V. (2015). Istoricheskoe obrazovanie v pervoe desyatiletie sovetsoj vlasti: osnovnye vektory razvitiya [History education in Soviet Russia in the 1920's: main trends in the development], *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta, ser. «Istoriya»*, 62, 2(357), pp. 49–56. (In Russ.).
12. Filimonov, V. A. (2006). N. I. Kareev: antichnost' skvoz' prizmu politiki [N.I. Kareev: antiquity through the prism of policy]. In Dementeva V. V. (ed.). *Antichnaya istoriya i klassičeskaja arheologija* (pp. 13–31). Moscow. (In Russ.).
13. Frolov, E. D. (2006). Russkaya nauka ob antichnosti. Istoriograficheskie ocherki [Russian science of classical antiquity. Historiographical essays]. St. Petersburg. (In Russ.).
14. Frolov, E. D. (2000). Traditsii klassitsizma i peterburgskoe antikovedenie [Classical tradition and the classics]. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, iss. 8, Moscow–Magnitogorsk, Available at: <http://ancientrome.ru/public/frolov/frol04f.htm>. (In Russ.).
15. Frolov, E. D. (1995). Eduard Mejer i russkaya nauka o klassičeskoj drevnosti [Eduard Meyer and the Russian science of classical antiquity]. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, no. 2, iss. 2 (pp. 91–97). Moscow–Magnitogorsk. (In Russ.).